

Мельница

— В будущем нам придется восстановить мельницу.

«Ну вот, малец снова принялся раздавать приказы», — пронеслось в голове Адама. С того самого дня, как он был вынужден подписать кабальный договор и последовал за этой странной парой господина и слуги, его посмертное существование официально вошло в колею. Звучало это странно — будто те дни, когда он неприкаянно бродил по пустошам, жизнью не считались.

Проведя свои земные годы под вечный рефрен «гореть тебе в аду», разбойник никогда не задумывался о том, что ждет его за порогом могилы. Он был наполовину приверженцем идеи о полном угасании души. Почему наполовину? Да потому, что ни один мертвец еще не удосужился восстать и поделиться впечатлениями.

Ему выдали новый комплект одежды и крепкие сапоги, после чего вовлекли в труд — одновременно знакомый и до странности чуждый. Демон, облаченный в титул лорда, вечно пропадал то в ботаническом саду, то в мастерской плотника. По его приказу Вирадуан составил строгое расписание: водяные часы неумолимо отсчитывали уходящие мгновения, а вечная ночь и серебряная луна бесстрастно взирали с небес на каждое решение, принятое юным владыкой.

Ему была нужна мельница, нужны были сельскохозяйственные орудия, рабочие руки и как можно больше провианта. Мертвецы навсегда утратили право созидать жизнь, а груды золота и серебра в подвалах, при всей своей изысканной красоте, на поверку оказывались хрупкими, словно сухие доски. Из них невозможно было выковать ничего путного.

Адам не сомневался: прикажи юноша — и все эти сокровища без тени сожаления переплавят бы на сошники, мотыги и кирки. Самое странное, что эта мысль не вызвала у вора сочувствия. Напротив, он ощущал какое-то извращенное удовлетворение, природу которого не мог объяснить даже самому себе. Проработав так некоторое время, Адам из-за своего длинного языка ввязался в перепалку, и Вирадуан притащил его на суд к лорду.

— Ты принципиально не желаешь вести себя смирно? — осведомился демон.

— Я рожден для того, чтобы мутить воду, господин, — чистосердечно ответил Адам, и через полчаса уже снова корчился на земле от приступа боли.

Фарфадэ отвел взгляд и вернулся к прерванному разговору:

— Я помню, что к северо-западу от замка есть мельница. Нужно проверить, пригодна ли она к делу. Составим план заранее, чтобы к моменту сбора урожая всё было готово.

— Боюсь, ремонт потребует немалых усилий, — заметил Гвидо. — Но мы можем внести это в повестку дня.

Фарфаноэрс кивнул и, взяв перо, добавил этот пункт в список.

— А как быть с инструментами? Кажется, лишь эти вещи обладают столь досадной хрупкостью... Быть может, в самой своей основе они отличаются от предметов нашего мира?

Фарфаноэрс порой искренне восхищался пронизательностью алхимика. Он коротко рассмеялся:

— Верно подмечено. Сокровища в подвале — это, по сути, лишь призраки брэнного мира.

— Призраки? — переспросил Гвидо. — Один древний мудрец полагал, будто существует мир вечных истин, материальный мир лишь подражает ему, а искусство — это подражание уже материальному миру... И хотя в его учении есть спорные моменты, мы можем использовать эту модель. Значит ли это, что данные вещи принадлежат к «третьему миру»? Подобно живописному изображению кровати — они лишены подлинности и бесполезны в быту?

— Именно так.

— Тогда... — Гвидо не успел договорить: Фарфадэ прервал его.

— Философию обсудим позже. Золото и драгоценности — это лишь тени или, если угодно, копии. Их добыть куда проще, чем ты думаешь. Но это не значит, что в этом мире не существует истинного золота, серебра, меди или железа. Ты понимаешь, о чем я?

— Нам нужно искать рудники? — Гвидо кивнул, собираясь продолжить мысль, но на сей раз его перебил не лорд, а истошный вопль Адама.

— Да забудьте вы про свои кровати! Я... кха-кха... я виноват! Прошу, пощадите...

— О, — отозвался Фарфадэ. — Кстати, кажется, пора обедать.

Когда приступ болезни был снят и обливающийся холодным потом Адам пришел в себя, он первым же делом спросил:

— Что сегодня на ужин?

***

— В сегодняшнем меню — пирог «Мечтательная фасоль» с диким лимоном, жареный масляный картофель, хрящи кролика с жареной звукозаписывающей ипомеей и... и салат из листьев!

Гусь-монстр энергично взмахнул поварешкой. Впрочем, правильнее было бы сказать, что он заставил поварешку двигаться саму по себе. Птица обладала способностью удерживать в воздухе предметы определенного веса — должно быть, какая-то уникальная магия.

Привычный картофель и земляные наросты подавались почти к каждой трапезе — под них даже выделили отдельное поле неподалеку. Гусь-монстр распоряжался добычей с умом: мясо либо готовилось сразу, либо засаливалось впрок, а глазам, языкам, костям и шкурам находилось свое применение. Чаще всего на стол попадали усыпляющие кролики, гигантские полевки и причудливые птицы. Изредка приносили оленей, чьи рога прорастали прямо из глазниц и сами были усеяны крошечными глазами.

Если снять такие рога, аккуратно извлечь тонкой ложечкой глазные яблоки, растереть их и добавить в сок из трав, получался кисло-сладкий напиток. А если дать ему немного перебродить, он приобретал вкус газированной воды. Если суметь абстрагироваться от состава ингредиентов, этот напиток стал любимым лакомством для всех обитателей поместья.

Листья для салата брали прямо из ботанического сада. Сдобренное маслом из реснитчатой травы, политое «секретным соусом» от Гуся-монстра и украшенное синим кислым соком, это блюдо дарило языку необычайную свежесть.

«Будто окунул язык в горный источник. Аж дух захватывает! — говорил кто-то из слуг. — Сам я так не пробовал, это метафора».

Фарфаноэрс, не испытывавший нужды в пище, держал в руках стакан с холодной водой. Он отклонил предложение Гуся-монстра пригубить вина. За его спиной маячил Адам, чей запал смирения иссяк спустя неполные два часа — остальные были заняты делом. Он снова попытался завязать разговор:

— Господин лорд...

Они стояли на вершине одной из башен замка. Каменные ступени поросли мхом, а в щелях между камнями на ветру дрожали сорняки. Отсюда, сверху, открывался вид на бескрайние пустоши, раскинувшиеся за склонами холмов.

У горизонта родилось облако. Адам, наслаждаясь ветром, решил поделиться чувствами с владыкой — он уже заметил, что если не нести чушь и не сыпать плоскими шутками, юноша просто игнорирует скучную болтовню. Он не слушает, но и не запрещает твое пустословие.

— Здесь куда приятнее, чем в темнице, — заметил вор.

К его удивлению, Фарфаноэрс внезапно спросил:

— Ты умер в тюрьме?

— Да ну, что вы, — ответил Адам, и тут же спохватился, заметив, что тон его снова стал развязным. Он всегда был парнем не робкого десятка, но методы демона, выходящие за рамки здравого смысла, заставляли его осторожничать. — Не всё так паршиво. Перед смертью я всё же видел небо.

— Значит, на виселице?

— От вас ничего не скроешь.

Адам положил руку на каменный парапет и медленно проговорил:

— У таких, как мы, конец обычно один, верно? Проповедники твердят, что демоны вечны и... — Он внезапно замолчал.

Похоже, он собирался сказать нечто, что могло не понравиться собеседнику. Фарфаноэрс скрестил руки на груди:

— Говори прямо. Я не стану тебя наказывать.

— О, ну тогда ладно! — Адам отозвался с живостью, не соответствующей его возрасту. — Я не собираюсь тягаться с вами в вечности, но в одном эти святоши правы... В таких, как вы, совсем нет осязаемости.

«Совсем смерти не боится», — подумал Фарфаноэрс. Что ж, раз он уже один раз умер, а старые привычки остались, остается лишь надеяться на его благоразумие.

— Почему ты так считаешь?

— Вы обещали не наказывать.

— Я держу слово.

— Мы люди простые, наук не изучали, красивых слов не знаем, — ухмыльнулся Адам. — Нет осязаемости — значит, нет ничего подлинного, мой лорд. Вот вода: она перед глазами, но попробуйте зачерпнуть её голыми руками — ничего не останется.

— Хм? — Юноша молча слушал, лишь изредка подавая знак, что внимает.

— Мне доводилось видеть знатных господ, которых я в глаза не знал. Все они лживы насквозь, но в них есть стержень. У них есть земля, жены, рабы — у них есть всё. У вас тоже вроде как всё есть, но кажется, будто вы в любой миг можете просто улететь. Разве нет у вас никакого прошлого, которое могло бы стать вашим якорем?

Его слова становились всё смелее — он прощупывал границы дозволенного, но Фарфадэ никак не отреагировал на эту дерзость.

...А что он мог сделать? Его прошлое было стерто из памяти. Юноша надеялся, что с ростом его силы воспоминания рано или поздно вернуться, хотя он вовсе не стремился использовать свою власть во зло. Он мог бы насыпать болезни на людей, подобно тому как крестьяне вдали сеют пшеницу: сажать недуги, собирать урожай и сеять вновь. Но он чувствовал, что это было бы неправильно.

«Неправильно? Откуда эта мысль?» — Он нахмурился, почувствовав внезапное раздражение, и, резко взмахнув плащом, безмолвно развернулся, намереваясь покинуть башню.

— Упс. Обещать-то обещал, а всё равно разозлился, — пробормотал Адам ему вдогонку. Он не считал себя виноватым. В своей деревне он всегда подначивал детей с чересчур серьезными лицами.

«Впредь надо быть осторожнее», — решил он.

Дни текли своим чередом, отмеченные лишь несколькими событиями разной степени значимости. Тот малый, которого заперли в подвале наедине с золотом за кражу, был наконец выпущен. Согласно новой системе баллов, ему предстояло отработать свой долг. Неподалеку от замка начали появляться новые мертвецы; их число росло, хоть и не слишком быстро. Если те, кто прибыл раньше, соглашались наставлять новичков, это также учитывалось при оценке их труда — поощрение всегда действовало лучше принуждения.

Виладуан собрал отряд и, захватив провизию и Класа, снова отправился в дальний поход. На этот раз подле Фарфаноэrsa осталась Хельзе. Она сменила наряд на простое платье с узким лифом, а волосы повязала белым платком — чтобы, помогая пастушескому гусю-монстру, случайно не уронить волос в котел. Она держалась скромно, отвечала на вопросы кротко и по существу. С самого детства она видела, как её отец принимал крестьян, нуждавшихся в мельнице, и могла в подробностях рассказать об устройстве, правилах использования и недостатках механизмов.

Старые отруби скопились в углах, перемешавшись с вековой пылью. Фарфаноэрс и Хельзе стояли посреди этого запустения, осматривая сохранность снаряжения.

Мельница состояла из двух частей: склада для зерна и круглого рабочего помещения. Глядя на жернова, бегуны, деревянные шестерни, ремни и спицы, юноша сразу всё понял: это была мельница на животной тяге... нет, зная нрав демонов, правильнее было бы сказать, что она предназначалась для тяги человеческой.

«Нужно её усовершенствовать, — размышлял он. — Сделать конструкцию более разумной, чтобы люди могли использовать смекалку и рычаги, а не превращали труд в изощренную пытку». К тому же эффективность такой мельницы была невелика.

— Как ты считаешь, можно ли возвести здесь ветряную... или водяную мельницу? — спросил он.

— Это было бы превосходно.

— Но ты не знаешь, как они устроены.

Фарфаноэрс обладал лишь общими представлениями о водяных мельницах, но строить их определенно не умел. Сложные задачи следовало доверять профессионалам.

— Прошу прощения... — тихо произнесла девушка.

«Всё придет со временем», — подумал он, и в памяти внезапно всплыли слова Адама: «В вас нет осязаемости».

Он медленно вдохнул прохладный воздух и вышел из мельницы. Перед ним расстился ковер из серой травы — тусклый, подернутый дымкой. Легкий ветерок шелестел в стеблях; этот серый мир навевал тихую меланхолию.

В те дни, когда пшеница-ёж была собрана и засеяна вновь, все ощутили невольное облегчение. Для крестьян труд на земле был единственно верным путем. Теперь оставалось лишь одно — ждать урожая.

<http://bllate.org/book/16116/1583136>